

А. В.
АМОИТЕАТРОВ

Мертвые боги: Рассказы. Роман // Современник, Москва, 1991

ISBN: 5-270-01012-7

FB2: "rvvg ", 07.05.2009, version 1.8

UUID: DB0F6B0D-FF3A-46CA-9BF6-730F9C2959F7

PDF: fb2pdf-j.20180924, 29.02.2024

Александр Валентинович Амфитеатров

Катакомбы (Мифы жизни)

Сборник «Мертвые боги» составили рассказы и роман, написанные А. Амфитеатовым в России. Цикл рассказов «Бабы и дамы» — о судьбах женщин, порвавших со своим классом из-за любви, «Измена», «Мертвые боги», «Скиталец» и др. — это обработка тосканских, фламандских, украинских, грузинских легенд и поверий. Роман «Отравленная совесть» — о том, что праведного убийства быть не может, даже если внешне оно оправдано.

Из раздела «Италия».

Содержание

#1	0005
Примечания	0034

А. В. Амфитеатров

Катакомбы

Этому около двадцати лет. В жаркий сентябрьский полдень две англичанки, родные сестры, спустились в сырой каменный погреб — начало знаменитых катакомб св. Каллиста. Проводник-монах за ними следовал. Сестры посещали катакомбы ежедневно уже с месяц времени. Они были художницы-акварелистки и, с разрешения аббата де-Росси, копировали фрески и надписи, еще не перенесенные усердием археологов в Кирхнеров музей христианских древностей.

Монахи привыкли к сестрам, и, когда убедились, что они не заражены обычными пороками англо-саксонского племени, т. е. не воруют античных лампочек, не отбивают углов от саркофагов, не обламывают фигурок с барельефов, не расписываются тушью или синим карандашом на фресках, — они перестали следить за барышнями.

Работали сестры в ближних галереях, куда еще проникали смутными отсветами дневные лучи. Следовательно, англичанкам не представлялось опасности заблудиться в лабиринте подземных ходов, соединяющих три этажа катакомб. Они обязались монахам

честным словом, что не будут заходить далеко в глубь подземелий и заглядывать под своды, еще не реставрированные и не укрепленные. Надо знать, что подземная паутина катакомб исследована не более как на одну треть своей площади, а доступна для туристов вряд ли и в сотой своей доле.

Сегодня англичанки слова своего не сдержали. Третьего дня они завтракали в артистическом ресторане Корадетти, и знакомые художники рассказали им об удивительных открытиях, сделанных русским археологом-живописцем Рейманом в катакомбах св. Присциллы. Рассказ задел самолюбие сестер. Им не удалось еще найти в катакомбах ничего нового, оригинального: все — давным-давно известные пастыри, с агнцем на плечах, рыбы, пальмы, иногда кит, изрыгающий Иону, — обыденные мотивы христианского искусства первых веков. Сестры решили попробовать счастья и, обманув бдительность монахов, проникнуть в катакомбы за дозволенные им границы. Они приглядывались два дня к запретным, полуразрушенным и заставленным козлами ходам, что примыкали к главным га-

лереям, и — как взяли бы лотерейный билет — наудачу наметили из них один во втором этаже, недалеко от могилы св. Цецилии [1]. Понимай, святой Цецилии монахов св. Каллиста, потому что в катакомбах св. Себастиана показывают другой гроб св. Цецилии, и между иноками обоих монастырей идет давняя распря из-за сомнения — где же в самом деле была похоронена святая покровительница музыки — под сенью св. Каллиста или св. Себастиана? Англичанки понимали, что они рискуют заплутаться, и застраховали себя на случай такой беды старинным средством царевны Ариадны [2] — клубком снурков. Они прикрепили снурок у лаза в новую галерею и разматывали клубок по мере того, как удалялись в глубь катакомб. Они имели при себе два фонарика-рефлектора вроде полицейского *oeuil de boeuf* — вещь, необходимую для исследователя тайн, похороненных в непроглядном мраке тысячелетних склепов. Фонарики эти сестры и раньше приносили в катакомбы, чтобы их сильным, сосредоточенным светом озарять по частям фрески, которые копировали. Так как температура ката-

комб всегда обратна температуре надземной: зимою в них душно, а летом прохватывает холодом, то англичанки позаботились захватить с собою пледы. Твердо надеясь на снурок, сестры шли одна следом за другою, бодро и самоуверенно. Ход был довольно широк, но не представлял ничего интересного: стены были ободраны дочиста так же, как и в главных галереях, в знакомые извилины которых выводила иногда англичанок избранная ими дорога. Тогда они ныряли в первый ближний лаз — из запретных, какой представлялся их глазам, — и так уходили все дальше и дальше. Наконец, по тесноте лаза, по высоким завалам на полу, по низко осунувшимся сводам сестры убедились, что они вышли из круга исследованных катакомб и проникли в область, куда до них — весьма, может быть, в течение пятнадцати веков — не ступала человеческая нога. В стенах стали попадаться плиты — правда, без надписей и рисунков, но целые, свежие, точно сейчас вытесанные: таких нет в исследованных катакомбах, — все давным-давно вынесены и занумерованы в каталогах музеев Кирхнера и Латеранского. Се-

стер невольно объял священный трепет. Древность глядела им в лицо из зияющих провалов, манила и звала к себе.

В гордости, что они, две слабые женщины, сумели пробраться во мраке могильного царства до порога новых вероятных открытий, они обменялись веселыми взглядами и крепким рукопожатием.

— Ты не устала, Кэт?

— Ничуть. Я готова идти вперед хоть целый день. А ты, Мэг?

— Тоже.

— Мы можем идти, пока не истощится наша путеводная нить.

— Что клубок?

— Размотан едва наполовину.

Сестры присели на груды осыпавшейся земли. Стая мышей брызнула от них врозь, скрываясь в щели стенных гробниц.

— Позавтракаем.

Мэг вынула из сумки сэндвичи... Кэт наблюдала убегающих мышей.

— Интересно, чем питаются здесь эти зверьки? — изумлялась она.

— Вероятно, они делают отсюда экскурсии

наверх...

— Однако заметь: вблизи входа в катакомбы мыши не водятся. Они начали встречаться нам только в этом лазу.

— Зачем же мышам ютиться у входов, сделанных человеческими руками, когда у них тысячи своих норок и лазеек?

Двинулись дальше.

— Странно, Кэт, что здесь так сухо. Раньше было много сырее.

Кэт осветила стенку прохода — грубую, шероховатую.

— Это потому, что мы в туннеле, высеченном в целой скале. Смотри: голый камень.

— Какого страшного труда это стоило!

— Работали рабские руки...

— А не руки христиан?

— Не думаю. Это — прямо рубка в скале. Прodelать подобный туннель без пороха и динамита можно разве лет в десять, при условии, что рабочие смены трудятся непрерывно, одна за другою, и день и ночь. Первым христианам, среди преследований, некогда было предпринимать такие сложные работы, да и не к чему: если им нужны были новые

ходы, в их власти было выбрать более мягкую и спорую к рытью породу. Вообще доказано, что христиане не рыли новых катакомб, но лишь приспособляли к своим нуждам старые каменоломни...

— Так что мы в доисторической шахте?

— Всего вероятнее. Смотри: здесь уже и могил нет.

— Тогда стоит ли продолжать путь?

— Отчего нет? Может быть, этот коридор соединяет катакомбы св. Каллиста с какими-нибудь другими? Или он приведет нас к другому выходу на свет.

— Пожалуй. Здесь гораздо больше кислорода, чем можно бы ожидать по расстоянию от входа. Ведь мы прошли уже не менее двух километров.

— О! гораздо больше! и по каким еще извилинам и зигзагам.

— Между тем дышать здесь совсем не трудно, и лампочки светят ярко, без синего огонька. Я предлагаю: дойдем до конца этого коридора и, если он не откроет нам ничего замечательного, возвратимся назад. А завтра повторим экскурсию; наш снурок покажет

нам дорогу, и мы сделаем ее гораздо скорее, чем сегодня, — следовательно, будем иметь время пройти дальше.

— А много еще у нас клубка?

— Много. Он какой-то неистощимый.

— Allora avanti, sorella![3]

Голоса и смех англичанок гулко раздавались в мертвой тишине подземелья, и легкие шаги их отзывались под сводами топотом богатырских ног.

Мэг сказала:

— Будь мы суеверны, могли бы подумать, что вместе с нами шагает целая рота привидений.

— Да, это местечко, вообще, не для слабонервных.

— Ты замечаешь, я была права — коридор привел нас в другие катакомбы; мы опять на кладбище, и в земле, а не в камне.

— Обитатели этих могил, вероятно, очень удивлены нашим визитом.

— И конечно, удивлены не особенно приятно: я думаю, товарищи из первых галерей порассказали им, как туристы и археологи ограбили их гробницы.

Минут пять спустя Кэт кликнула сестру голосом, полным удивления и испуга:

— Мэг! с клубком творится что-то странное.

— Ну?

— Да он ничуть не уменьшается.

— А снурок?

— Перестал разматываться.

— Вот неприятность! Надо немедленно идти назад.

— А что?

— Это значит снурок где-нибудь, на угле, при повороте из коридора в коридор, перетерся. Хорошо, что ты заметила вовремя. Иначе мы могли протащить снурок бесполезным хвостом еще километра полтора и затем даже вовсе потерять своего путевода.

Сестры повернули обратно. Отмерили они шагов тысячу, на добрую четверть часа ходьбы, но оборванного конца снурка их яркие фонари сестрам не показали. Путницы смущенно переглянулись.

Кэт сказала:

— Должно быть, я не сразу заметила, что снурок оборвался и действительно, как ты го-

воришь, протащила его некоторое время хвостом. Надо найти другой конец шнура. Я помню, что, прежде чем войти в этот коридор, мы шли широкою галереею и повернули сюда с левой руки; значит, чтобы искать шуток, теперь надо будет идти направо.

Девушки нисколько не трусили. Им казалось, что они хорошо помнят дорогу и, в крайнем случае, обойдутся и без шнура. Но для верности следовало поискать его. Искали долго, но не нашли. Очевидно, шуток оборвался уж очень давно. Положение становилось серьезно. Недавние улыбки сбежали с уст девушек, брови сдвинулись... Сестры вышли на площадку — неправильный пятиугольник. Каждая грань его зияла черным отверстием, и все пять дверей были похожи одна на другую, все представлялись сестрам равно знакомыми.

— Как будто мы шли через эту, — нерешительно сказала Кэт, повертывая направо. Мэг, не отвечая, послушно зашагала за нею. Она вовсе не была уверена, что Кэт ведет настоящую дверь, какою надо, но и сама не знала, которая из пяти настоящая. Про себя она уже

не сомневалась, что они заблудились, но не хотела выдать свою тревогу, чтобы не лишить сестру душевной бодрости. Она пробовала даже шутить над своим приключением, но остроты ее звучали натянуто и не встречали ответа. Кэт оробела. Сестры скрывали одна от другой охвативший их страх. Новая площадка и новые ходы в стенах: точно пасти, алчущие поглотить неосторожных пришлиц...

— Нет, это не то! — с отчаянием воскликнула Мэг.

— Не то!

Кэт, совсем растерянная, опустила фонарь.

— Мы Бог знает куда зашли... Мы здесь никогда не были! Это совсем новая площадка!

— Ты права.

— Вернемся, попробуем счастья через другую дверь.

— А ты уверена, что теперь угадаешь правильно?

— Нет, но... попробуем!

— Попробуем... Ведь это — единственное, что нам остается делать, — согласилась Мэг с искусственным спокойствием.

Опять бесконечные извилины узких ходов, примыкающих к обманчивым платформам. Мрак, в котором движутся двумя пятнами тусклого красного тумана огненные круги рефлекторов... Тишина, среди которой вслед за шагами девушек топают шаги эхо, и опять сестрам кажется, что рядом с ними выступает вот-вот готовое явиться привидение. Но теперь им уже не смешно от этого представления — теперь мороз бежит по их коже, когда они вслушиваются в таинственные шаги.

Им страшно остановиться хоть на минутку — от мысли, что они знают, кто этот невидимый ходок. Имя ему — смерть... голодная смерть, испокон веков царящая здесь, на подземных каменных кладбищах. Они проникли в ее чертог и навсегда останутся в нем, жизнью заплатив за свое безрассудство.

— У меня ноги подкашиваются: я не в силах идти более, — простонала Кэт, опускаясь на пол.

— Отдохни, но недолго, — угрюмо возразила Мэг. — У нас мало света в запасе.

— Загаси свой фонарь, — сказала она после нескольких минут молчания.

— Зачем?

— С нас довольно и моего. А твой мы засветим, когда в моем выгорит свеча.

— Боже мой, неужели ты думаешь, что мы еще долго не выберемся из этих норок?

— Ах, почему я знаю?

— Это ужасно, это ужасно! — шептала Кэт.

Мэг повелительно прикрикнула:

— Не трусь, не распускайся! Струсим — пропадем.

— Не сердись! — умоляющим голосом возразила Кэт, — можно ли ссориться в такие минуты?

— Вот что, — предложила Мэг, успокаивая сестру ласковым рукопожатием, — давай кричать! Как знать? Быть может, мы уже кружим около посещаемых галерей, и нас услышат...

Голоса у сестер были громкие, легкие, могучие, и они подняли целую бурю звуков под низкими сводами подземелья.

Кричали, пока не осипли. Замолкли последние перебаты эхо... Опять — мертвая тишь... слышно, как стучат смятенные сердца девушек... Никого! ничего!.. Похоронены заживо.

— Мне пить хочется, — прошептала Кэт.

— Напейся: там в сумке есть бутылка аполлинарис... но... будь экономна.

— Я только один глоток...

— Что же теперь? Идти дальше? — предложила Мэг.

— Конечно.

— Куда?

— Не знаю.

— Все равно! — лишь бы не сидеть на месте. Здесь мы ничего не высидим. Никто не догадается искать нас...

Кэт ломала руки.

— Хоть бы кому-нибудь рассказали мы о своем намерении! Нас хватились бы, снарядили бы поиски, а теперь...

Мэг энергично остановила ее жалобы:

— Идем, авось Бог поможет нам выбраться.

— Идем! Движение отнимает страх.

— Боже мой! Боже мой!

Мэг взглянула на часы и ахнула, не веря глазам:

— Знаешь ли, сколько уже времени мы в катакомбах!

— Ах, кажется, целую вечность.

— Я говорю не о «кажется», а сколько на самом деле...

— Ну?

— Шесть часов и двадцать три минуты.

— Значит, теперь уже вечер?

— Да. Если и найдем выход, то придется ночевать у дверей; катакомбы заперты, и монахи не услышат наших криков — их кельи далеко.

— Ах, я готова ночевать хоть в саркофаге, лишь бы знать, что мы у выхода.

Опять ходьба до изнеможения, двойной топот шагов, неизвестные могилы в стенах, камень под ногами, камень над головою, — холодный, мертвый, безответный. Ходы вьются, как змеи, то вверх, то вниз, то влево, то направо и все грознее и грознее опутывают и сжимают англичанок своими роковыми звеньями.

— Не могу я дальше идти... не могу!

Кэт облилась слезами, бессильно прислонясь спиной к холодной стене.

— Да и некуда, — с холодным ожесточением согласилась Мэг. Она села рядом с сестрою у ее ног. — Нечего обманывать себя и уте-

шать: мы погибли. Это — паутина. Мы задохнемся в ней, как две мухи.

— Не говори таких ужасных слов, Мэг! Мы не должны, не можем умереть... Господи! и как только пришла нам в голову проклятая мысль — пуститься в эту несчастную экскурсию!

— Ты же предложила, Кэт.

— А ты старшая, ты сильнее меня, умнее... Тебе следовало остановить меня, отговорить... А ты вместо того... Ах, Мэг! Мэг!

— Что спорить, кто виноват! — сурово возразила Мэг. — Обе виноваты. Поздно спорить, когда мы умираем.

— Голодная смерть... Господи!.. Мэг! я не хочу умирать так страшно...

— Об этом тебя не спросят, дитя. Умрешь, как Бог послал.

— Бог послал?! да за что же? за что? чем мы оскорбили Его? Чем я оскорбила? Ведь мне же всего-то, всего двадцать лет — и умирать?! А-а-а-ах! Мэг! Мэг! Мэг! спаси меня! не отдавай! я не хочу умирать, не стану умирать...

Она рыдала, выкрикивая бессмыслицу, как

малый ребенок. Мэг молчала и только гладила ее по голове: больше ей нечего было сделать в утешение обезумевшей сестры.

— Может быть, — шептала Кэт, притихнув, — мы оскорбили Бога тем, что пришли сюда. Может быть, люди, спящие во всех этих гробах, — святые, и Он наказывает нас за то, что мы потревожили их смертный сон? Ведь они — мученики, они умерли за Него...

— Оставь эти мысли! — строго приказала Мэг. — Ты христианка. Наш Бог — Бог живых, а не Бог мертвых,

— Бог живых, Бог живых! помилуй нас, помоги нам, — бессознательно лепетала Кэт...

* * *

Часы летели...

Далеко-далеко от места, где остались было сестры, в подземной тьме чиркнула восковая спичка, и вслед за тем засветился рефлектор. Это Мэг проснулась... Она опустила фонарь: огненный круг озарил чье-то старое-старое лицо с закрытыми впалыми глазами, склоненное к ее коленам.

— Спит, — пробормотала она и опять загасила свет. Из-за фонаря у нее шли недавно

долгие и гневные пререкания с сестрою.

Вынужденная экономить свет, она настаивала, чтобы свеча горела, только пока они будут на ходу, а отдыхать можно и в потемках. Кэт не хотела и слышать, чтобы расстаться с огнем.

— Я сойду с ума, — кричала она. — Когда погаснет этот огонек, погаснет и мой разум.

— Дитя, — уговаривала ее сестра, — пойми же, что именно ради того мы и должны как можно дольше сберегать наш огонь... Пока у нас есть свеча и вода, мы можем бороться, надеяться... А во тьме — все будет кончено... в несколько часов!..

Кэт убеждалась, позволяла погасить свечу но, едва мрак окружал ее, начинала метаться и кричать...

— Я не хочу! я не могу! мои мысли мешаются. Дай мне видеть свет, или я разобью себе голову о камни. Эта тьма — живая, — лепетала она, вся трепещущая, прижимаясь к сестре, — в ней что-то ходит, летает... оно съест нас, уничтожит, милая Мэг...

— Полно, полно, — сдерживая рыдания, успокаивала ее сестра. — Ну, можно ли так те-

ряться, Кэт?

— Я слышу шаги, слышу шепот... — галлюцинировала девушка, — оно надвигается на нас, Мэг... оно над нами... я чувствую его холодные лапы, его мертвое дыхание...

— Чье дыхание? кто «оно»? о чем ты говоришь? — терзалась Мэг.

— Оно... привидение, что шагало за нами от самого входа... Ты помнишь? — мы слышали шаги и смеялись, а оно шло, все шло...

— Кэт, опомнись! Не позволяй себе бредить! Иначе воображение окружит тебя такими страхами, что ты не в силах будешь справиться с ними и в самом деле сойдешь с ума.

Но Кэт твердила ясно и убежденно:

— Это оно оборвало снурок и завело нас сюда, чтобы выпить нашу кровь и съесть наше тело.

Мэг зажала уши и гневно кричала:

— Стыдно! ты — христианка, образованная девушка, а тебе мерещатся какие-то вампиры, точно мужичка

— Ах, в этом царстве мертвых всему поверишь! — с отчаянием возражала Кэт.

— Здесь никого нет, кроме нас! слышишь

ты? Никого, никого!

— Да, — упорствовала младшая сестра, — никого, пока светит рефлектор. Должно быть, оно боится света. Но когда ты гасишь огонь, оно приближается, и я начинаю умирать: мне душно, мой мозг леденеет... Бежим отсюда, Мэг, бежим!

В беспорядочном бегстве от овладевшего Кэт панического ужаса сестры метались под сводами своей огромной гробницы, как летучие мыши. Они бросались наудачу в первые попавшиеся ходы лабиринта, пробегая по ним километр за километром, пока не сваливало их на землю изнеможение или не упирались они в глухую стену. Или же — оглупевшие, потеряв энергию и волю, — они прилеплялись к камням какой-нибудь могилы и сидели без мыслей и без надежд, подавленные усталостью тела и духа до состояния, когда и к самой смерти человек безразличен, потому что ему кажется, — все равно: он уже заживо умер!

Закрывать рефлектор Мэг удалось, только когда Кэт задремала. Вслед за нею сонное оцепенение охватило почти мгновенно и старшую

сестру. Теперь, проснувшись, Мэг чувствовала сильный голод, и все тело болело, будто избитое палками. Который-то час? Хронометр показал Мэг странную цифру. Она с недоверием поднесла часы к уху: нет, они шли правильно, маятник тикал четко и мерно. Одиннадцатый!

Но одиннадцатый было и когда мы засыпали?! Что же это? Неужели мы проспали подряд двенадцать часов? Сандвичей оставалось еще штучки три-четыре. Мэг отломил кусочек хлеба и ела его крошка за крошкой, стараясь протянуть время и обмануть голод этою призрачною едою... Ей пришло в голову: «Через час все наши сойдутся завтракать у Коррадетти — Смит, Риццони, Сведомские, будут поминать нас, удивляться, что нас нет. Быть может, Коррадетти сейчас как раз над нашею головою... ведь катакомбы тянутся под целым Римом, и Бог знает как далеко и в какую сторону мы зашли. Смит ухаживает за Кэт и непременно предложит brindisi[4] в ее честь. А она, бедная, задыхается в агонии голодной смерти — на сорок футов в земле под его ногами...» Кэт проснулась.

— Долго я спала? — был ее первый вопрос.

Мэг не решилась напугать ее ответом, что они в катакомбах уже целые сутки.

— Минут сорок, — солгала она.

— И ничуть не отдохнула, все-таки... Голова болит, колена дрожат, спину ломит... А ты что делала?

— Мне не хотелось спать, я стерегла тебя.

— Я есть хочу, — сказала Кэт после некоторого молчания робко и жалобно. — Можно?

Сердце Мэг сжалось:

— Деточка моя, конечно, можно.

Она дала сестре сэндвич. Та съела и попросила еще. По обстоятельствам, это была непозволительная расточительность, но Мэг не могла отказать. Она думала: «Часом раньше, часом позже — не один ли конец? А ведь это последнее баловство, какое я могу оказать Кэт, последняя моя услуга ей...»

Часы летели.

Последний сэндвич разделен и съеден. Последняя капля воды выпита. Последняя искра света погасла. Мрак и смерть! Клекот агонии в двух пересохших горлах да изредка слабый безумный стон:

— Мне двадцать лет... Только двадцать лет!..

Работник Николо Бартоломе, нанятый на поденщину чистить сад Монте-Пинчио, только что взялся за метлу, чтобы утреннею порою, пока сад закрыт для публики, убрать осенние листья, облетевшие за ночь с деревьев на дорожки любимого гулянья римлян. Он курил и пел:

*Addio, Roma,
Bella citta —
La-ra-li-le-ra.
Bella citta![5]*

И вдруг замолк: ему почудился стон.

— Diavolo! [6] откуда это?

Стон повторился.

— Уж не придушили ли здесь кого-нибудь ночью? — подумал Николо. — Или может быть, сохрани Бог, самоубийца! Римляне любят-таки кончать с собою на Монте-Пинчио.

Он обшарил кусты, прислушиваясь к стону, и наконец остановился в глубочайшем изумлении: стонала — теперь он различал это совершенно определенно — груда прелого

листа, которую, вот уже около недели, сметал он стогом к решетке старой водопроводной отдушины. Груда не только стонала, но трепетала, — что-то рвалось из нее на волю, точно цыпленок из яйца.

— *Sangue di Gristo!*[7] — воскликнул Николо, — воры зарезали человека и бросили его в мою кучу. Если этот бедняга задохнется, меня отправят в тюрьму на всю жизнь.

Он разбросал листья метлою до самой решетки, взглянул и уронил метлу, чувствуя, что волосы поднимают колпак на его лохматой голове.

— *Vefana!*[8] — мелькнуло в его суеверном умишке. Из недр земли, сквозь решетку, глядело на него страшилище: костлявая ведьма, в седых космах, с лицом такого же земляного цвета, как и листья, его облепившие, вся в ссадинах, царапинах, синяках, с глазами, пылавшими как два угля, по сторонам носа, похожего на заостренное копье. Ведьма совала сквозь решетку тощие руки — точно цыплячьи лапки — и, делая Николо знаки, неясно мычала синим ртом... Возле нее ворочался какой-то живой мешок, потерявший, под слоем

земли и листьев, всякое человеческое подобию.

— Befana!.. Vade retro, Satanas! [9]

Но страшилище овладело наконец своею речью. Николо услышал:

— Salvate noi, amico... siamo due ingleze... tre giorni senza pane... morriamo da fame [10].

Это была Мэг.

* * *

Кто посещал купанья Ривьеры и Тосканского побережья, наверное, встречал либо в Нерви, либо в Санта-Маргарите, либо в Виареджио двух пожилых англичанок, очень схожих между собою. С лица обе совсем не дряхлы, но у обеих волосы седые, как лунь, у обеих головы трясутся, точно у восьмидесятилетних. С младшею разговаривать бесполезно. Она помнит только, что ее зовут Кэт, что у нее есть сестра Мэг, которая очень добра к ней, и что, когда солнце уходит спать в море, надо зажигать как можно больше свечей, потому что в потемках живут свирепые привидения, готовые высосать у человека кровь и съесть его тело.

— Это было со мною, синьор, — все было,

когда мы сидели там, под землю, — уверяет безумная. — Оно не успело сожрать меня, потому что Мэг боролась за меня — она очень храбрая, моя сестра Мэг! Но оно выпило мою кровь, и теперь я — никуда не годная старуха. А между тем мне только двадцать лет, сеньор... всего двадцать лет.

Этот унылый припев неизменно вторит ее болтовне, как звон похоронного колокола:

— Мне двадцать лет... всего лишь двадцать лет!

И двадцать лет эти идут ей вот уже двадцатый год. Но от Мэг турист может узнать все подробности их заключения в подземельях св. Каллиста. Как Бог помог им спастись, она не отдает себе отчета. Счастливый выход к отдушине на Monte-Pincio достался ей — именно вроде неожиданно выхваченного, удачного билета лото, одного выигрышного на сто тысяч аллегри.

— Голод, жажда и тьма совершенно обессилили нас. Кэт лежала у моих ног без чувств и без движения, не в силах даже стонать и плакать. Я, в припадке последнего отчаяния, то молилась, то богохульствовала, то каялась

в своих грехах, то проклинала... Протяну руку к Кэт — вот ее изменившиеся, заостренные черты; чувствую, что она умирает, что она — вот-вот сейчас умрет. Знаю, что и сама умру вслед за нею. Но своя смерть меня пугала меньше, чем мысль, что Кэт умрет раньше меня, на моих руках... Меня объяли ужас и тоска, каких не только вы не можете вообразить вчуже, но даже я не имею сил вспомнить отчетливо. Думаю: сяду подальше от Кэт... Мне будет не так жаль ее, не так жутко. Поцеловала ее — она и не почувствовала — и отошла, оцупью, держась за стенку. Вдруг чувствую: рука стала влажная. Родник? Боже мой! да ведь это жизнь! Это спасение! С водой человек выдерживает недели голода... Освежилась сама, нашла Кэт, притащила ее к воде, освежила... Тогда я стала рассуждать: нет, это не родник. Будь родник, вода текла бы по полу, а тут стена влажная лишь на высоте моей руки, а снизу совершенно сухая. Следовательно, это не она испускает воду, а вода оседает на ней; стена потеет... Это — атмосферная влага. Значит, сюда есть приток свободного воздуха. Откуда? Конечно, сверху, — иначе

почему бы роса отлагалась только на верхней части стены?.. И мне пало на мысль попытаться последнего счастья: пойти вверх, придерживаясь влажной стены... Кэт не могла идти; я обвязала ее вокруг талии платком и тащила за собою волоком... Много ли мы шли, сколько времени, — не могу сказать... Знаю только, что, когда на одном повороте вечная тьма, в какую мы были погружены, вдруг будто дрогнула и перешла в серый сумрак, я едва не выпустила из рук своих Кэт: и от внезапного волнения радости, и оттого, что переход этот ослепил меня, — настолько показался мне ярким... А затем мы увязли в рыхлой массе прелого листа и по ней скорее докатились, чем дошли до решетки, за которою открыл нас Николо Бартоломе.

Монте-Пинчио и катакомбы св. Каллиста отстоят друг от друга километров на десять. Сестры провели в земле трое суток: сколько километров сделали они по извилистым ходам катакомб, конечно, мудрено сосчитать даже предположительно. Но чтобы пройти от св. Каллиста к спасительной отдушине на Монте-Пинчо — им пришлось пересечь по

подземному диаметру весь Вечный город, спускаясь ниже ложа Тибра... Таковы подземелья древнего Рима — таково-то шутить с ними!

Примечания

Рассказ входил в сб. «Святочная книжка», в сб. «Мифы жизни» открывал раздел «Италия».

Печатается по изд.: Амфитеатров А. В. Мифы жизни // Собр. соч.: Спб., 1911. Т. 10.

Примечания

Св. Цецилия — одна из первых мучениц христианства.

[^^^]

2

Ариадна (греч. мифол.) — дочь критского царя, вручившая Тезею клубок нити, с помощью которого он смог выбраться из лабиринта.

[^^^]

3

Тогда вперед, сестра! (ит.).

[^^^]

Тост (ит.).

[^^^]

5

Прощай, Рим, // Прекрасный город! // Ла-ра-ли-
ле-ра. // Прекрасный город! (ит.).

[^^^]

Черт! (ит.).

[^^^]

Христова кровь! (ит.).

[^^^]

Здесь: ведьма! (ит.).

[^^^]

9

Ведьма! (ит.). Отойди, сатана! (лат.).

[^^^]

10

Спасите нас, друг... мы две англичанки... трое суток без хлеба... умираем от голода (ит.).

[^^^]